

СЛА

Игорь Угольников:

ВСЕ

ТА

М

ЗА ПРОШЕДШИЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ОН МНОГО ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ — ТЕЛЕВИДЕНИЕМ, КИНО, ТЕАТРОМ. ДАЖЕ КНИГУ НАПИСАЛ И ПОРАБОТАЛ ДИРЕКТОРОМ ДОМА КИНО. СЕГОДНЯ ИГОРЬ УГОЛЬНИКОВ — КРУПНЫЙ ЧИНОВНИК, А ТЕПЕРЬ ЕЩЕ И НА ЛЕД ВЫШЕЛ. НО ЗА ПРИВЫЧНОЙ МАСКОЙ ШОУМЕНА СПРЯТАНО СЕРЬЕЗНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ, ЛЮДЯМ И САМОМУ СЕБЕ.

Игорь, ваша творческая биография пестрит разнообразной деятельностью. Сегодня вы опять в новой роли — танцуете, и не только на паркете, но и на льду. Как решились на это?

«Лед и пламень» — международный проект, я могу выступать и от России, и от Белоруссии, так как являюсь председателем ТРО Союзного государства. Мне всегда было интересно это шоу — яркое, красочное, позволяет увидеть людей в незнакомой ситуации. Понимаю, что это эксперимент, и прежде всего над самим собой. В проекте выступают в основном люди молодые, а мне скоро исполнится пятьдесят. С другой стороны, я танцевал и раньше — интересовался степом, бальными танцами. Когда в 1980-е годы учился в театральном институте, считалось, что выпускник должен уметь танцевать, петь, скакать на лошади.

А со льдом вы были знакомы до этого — имели навыки катания на коньках?

Как и все мальчишки, в детстве играл в хоккей. Но там другие коньки. А здесь и спину надо держать, и ножки тянуть, и партнершу вести. И самое главное, все должно быть красиво.

Тогда в чем вы видите свою задачу с Леной Бережной? Нашу пару с Леной и зрители, и жюри ставят отдельно от всех. И по интеллигентности, и по другим показателям. Нас даже назвали «аристократической парой». Такое ампуа и будем развивать. Это касается и выбора номеров, и стиля катания. Сколько выдержим — столько выдержим.

Какое впечатление на вас произвела партнерша?

Лена — милый, очаровательный, интеллигентный и терпеливый человек. С ней не только тренироваться, с ней общаться приятно. У нас полное взаимопонимание. Мне нравится ее отношение ко мне, к своей семье, к жизни. Мы чувствуем себя очень гармонично, когда находимся вместе. Организаторы попали в точку: будь у меня другая партнерша, пары могло бы не получиться.

Какие ощущения вызывает у вас лед и сам момент катания?

Сначала, конечно, было страшно. Татьяна Тарасова и другие члены жюри отметили важную вещь: если фигурист мужчина, тогда девочке-непрофессионалу легче. Но если он непрофессионал, да еще и немолод и не очень спортивен — это большая ответственность за партнершу. К таким людям у жюри есть элемент снисхождения. Не могу сказать, что сразу начал получать от катания удовольствие. На половине номера ноги становились ватными и слушались плохо. Я не боюсь в этом признаться. И буду с этим бороться. Я хочу кататься и получать от этого удовольствие.

Раскрасить жизнь красками

Вам принадлежит фраза: «Бой серому существованию! Надо всячески театрализовать жизнь!» Решили участвовать в проекте для того, чтобы не было скучно жить?

Мне никогда не скучно жить. И никогда не скучно с самим собой. Даже если в руках нет книжки, нечего смотреть и некуда ехать, я все равно нахожу интерес: беру карандаш и что-то рисую, пишу. Радость жизни для меня в том, чтобы раскрасить ее красками, что-то театрализовать вокруг — для родных и близких, для друзей. Доставлять радость всем — смысл моей жизни. И это шоу — как раз то самое.

Зрители воспринимают вас как шоумена, весельчака.

На лед вы уже выходили в характерном ампуа. Как полагают, вам под силу создать в проекте трагический образ — например, станцевать адажио Альбиниони?

За характерностью можно спрятаться, скрыть огрехи катания. Если мы с Леной доберемся до декабря (когда будет классическая музыка), может, и попытаемся станцевать что-то серьезное, красивое.

Но в этом обязательно должен присутствовать сюжет и смысл. Я не фигурист и уже никогда им не стану. Поэтому на льду должен быть актером. Например, в номере про моряков у меня упала фуражка. Это не было запланировано, и в конце я отдал честь, изобразив козырек рукой. Андрис Лиєпа находку оценил, отметив, что я даже упавшую фуражку обыграл. Что ж, такая у меня теперь трудная сцена — ледовая!

Наблюдая за спортсменами, видишь, что они одерживают победы — упорные и упертые, волевые, целеустремленные. У вас эти черты в характере есть?

Это верно. Меня удивляет, что они все время соревнуются, даже сейчас, вне спорта. Давно знают друг друга, понимают, кто на что способен. И все равно сравнивают оценки, подначивают друг друга, пусть и дружески. Им небезразлично, кто кого победил. У меня нет такого бойцовского начала. Мне не нужно быть первым, выигрывать во что бы то ни стало. Это касается всей моей деятельности — быть лучше, чем другие, у меня нет желания. Я хочу сделать что-то сильно, достойно, интересно. Чтобы люди оценили красоту, сердечность, искренность, праздничность, сюжетность. Вот это для меня главное в творчестве. В искусстве не надо толкаться — всему хорошему найдется свое место, как говорил Чехов.

Сегодня Игорь Угольников уже не тот привычный шоумен, он — крупный телевизионный начальник, его день расписан по минутам. Именно эта должность помогла ему осуществить главную мечту жизни — снять фильм о войне «Брестская крепость», темой которого стал вопрос выбора человека в экстремальных обстоятельствах

Угольников считает, что в проекте «Лед и пламень» ему не удастся победить, но зато с партнершей повезло невероятно

Создается впечатление, что вы живете легко, играючи, вам все удастся. Это так?

Я с удовольствием просыпаюсь каждое утро, ожидая от дня чего-то нового и радостного. Вы правы, я легко живу. Ведь я Стрелец, а это авантурный знак. Он не пускает в себя проблемы и трудности и все время целится в невидимое. Вот я — авантюрист, который целится в невидимое.

В жизни таким открытым, как вы, приходится трудно: люди бывают злые, завистливые, и ситуации создаются порой не очень приятные. Бывало ли, что жизнь вас ломала?

Конечно. Был ярчайший случай в моей жизни, когда наткнулся на откровенное предательство. Причем со стороны людей, которых обожал, — самых близких друзей, почти членов моей семьи — Жени Воскресенского и Коли Фоменко. Это произошло еще в те, давние годы. Женя — мой крестный отец, глубоко верующий человек. А Коля — закадычный друг. Я их обоих пригласил участвовать в программе «Оба-на!», которую придумал сам — был ее режиссером, сценаристом, продюсером. Приблизил их максимально. Жена стирала мою рубашку и рубашку Жени, потому что тоже считала его близким человеком. Он даже жил с нами. А Коля приезжал из Питера. Часто он лежал в ванне, я сидел рядом на табуреточке и читал ему сценарий очередной программы. А он курил и говорил: «Нет, здесь, по-моему, не очень смешно, это надо переписать». «Ладно, ты пока полежи, а я перепису», — отвечал я и шел переписывать.

Однажды мы уехали с женой в отпуск и, вернувшись через три недели, узнали, что Женя Воскресенский с Колей Фоменко запустили в эфир очередной выпуск программы «Оба-на!» по собственному сценарию — без меня. Я не понимал, как к этому относиться. До сих пор продолжаю их любить, причем искренне, и считаю очень талантливыми людьми.

Но этого предательства простить не смог. Было еще несколько подобных случаев.

Я не идеальный

Сегодня вы, творческий человек, занимаете ответственный пост председателя ТРО Союза. Зачем вам рутинная работа руководителя и организатора?

В любом деле я прежде всего актер — это моя профессия и мое предназначение. Но я и антрепренер самого себя. Делать то, что хочется, — значит управлять всем процессом. И то, что я стал чиновником, — это моя антрепренерская деятельность. Я пошел на эту должность, чтобы осуществить свои мечты — снять фильм «Брестская крепость» и сделать телевизионный канал (нашу мечту с Владом Листьевым). И вот фильм снят, и канал ТРО имеет двадцать миллионов потенциальных зрителей!

Организовывать что-то я любил всегда, еще в школе и ГИТИСе. Во мне есть то, о чем мы уже говорили, — способность создавать вокруг себя красочный мир. Это невозможно сделать, если участвовать одной из красок — надо достать и краски, и кисти, и художников привлечь, чтобы рисовали вместе с тобой. Это и есть организаторская работа, я без нее не смогу.

При этом многие считают вас неудобным. Почему?

Существует общее мнение, что с Угольниковым трудно работать. И трудно дружить. Потому что он упертый, строптивый, не такой, каким люди хотели бы его видеть. Я не идеальный, не соответствую чужим представлениям о себе. И ничего не отдаю из того, что сам придумал. Могу воспользоваться идеей, которую принес мне другой человек — подсказал случайной фразой или мимолетной импровизацией, и буду всюду говорить, что благодарен ему за это. Во всех остальных случаях я либо плачу за сценарную работу, либо устраиваю мозговой штурм

в компании людей, способных накидывать идеи и докручивать их до конца. Бывает, кто-то говорит: «Он это сделал потому, что я ему подсказал». Да, ты подсказал. Но ты доделай до конца! Тогда будешь иметь право наравне со мной считаться автором этого произведения. А если ты принес идею — и все, то я это произведение буду делать сам. Это мое кредо: «Все сам».

Если на пути к цели у вас возникают препятствия, будете долго и упорно долбиться в стену или станете искать обходные пути? Что ближе вашей натуре?

Я предпочитаю сочетать одно с другим — и биться, и обходить. Так было с фильмом «Брестская крепость». Снимая его, мы и бились, и обходили, и терпели. Но главное, я понимал, ради чего делаю это. Если есть идея и она необходима не только мне, но многим людям, тогда все средства хороши, чтобы достигнуть цели.

Что значит «все средства хороши»? А если это недостойные средства?

У каждого из нас есть свой моральный кодекс — что можно делать, а что нельзя. Конечно, по головам я не пойду. Единственный способ — терпение. К примеру, есть люди, которые хотят, чтобы меня на этой должности не было. Они делают все, чтобы мое имя и мою работу очернить. Но я им не отвечаю и таким образом борюсь с негативом.

Однажды вы сказали: «Я неудавшийся актер, который занят не своим делом». Что вы имели в виду — неудовлетворенность профессией?

Когда я занимался «Фитилем» и возглавлял Дом кино, это было вынужденно. Если бы тогда я имел много актерской работы, не делал бы этого. И если бы сейчас мне предложили несколько интересных ролей у достойных режиссеров и сильных продюсеров — неважно, театральных или киноролей, — я бы все бросил и был только актером. Но этого не происходит, приходится все делать самому.

ДОСЬЕ

УГОЛЬНИКОВ ИГОРЬ СТАНИСЛАВОВИЧ
Российский актер, режиссер, сценарист, продюсер.

Родился 15 декабря 1962 г. в Москве. В 1984 г. окончил ГИТИС (режиссерско-актерский факультет). Работал в Театре им. Н. В. Гоголя (1984–1988), затем в Московском театре-кабаре «Летучая мышь» (1989–1992). В театре «На Юго-Западе» играл Хлестакова в «Ревизоре» (1988–1990). Автор проекта «Прощание с гимном СССР» (1991). 1991–1995 гг. — автор и режиссер телепрограмм «Оба-на!», «Доктор Угол», и «Угол-шоу». 1996 г. — продюсер ток-шоу «Особо важные персоны». 1996–1998 гг. — режиссер-постановщик и ведущий ток-шоу «Добрый вечер». 2001–2002 гг. — играл в спектаклях МХАТ «Девушки битлов», «Гамлет в остром соусе». 2003–2006 гг. — продюсер журнала «Фитиль». С 2006 г. — председатель Телерадиовещательной организации Союзного государства России и Белоруссии (ТРО Союза). Снимался в фильмах «Чернов», «Встретимся на Таути», «Время вашей жизни», «Ширли-мырли», «Карнавальная ночь — 2», сериалах «Девять неизвестных», «В круге первом», «Застава» и др. Режиссер Петра Штейна и исполнитель главной роли в спектакле «Оскар». Продюсер телефильма «В шоке сорок первого», документального фильма «Убить гауляйтера» и др. 2010 г. — автор идеи и генеральный продюсер художественного фильма «Брестская крепость». Лауреат премий «Овация», «Золотой стул», «Золотой Остап» за наивысшие достижения в жанре сатиры и юмора (1992).

Какими, на ваш взгляд, качествами нужно обладать в первую очередь, чтобы стать актером, — помимо таланта, разумеется?

Важно, для чего ты выходишь на сцену. Если покрасоваться — посмотрите, какой я, — то все, конец! Но если хочешь отдать людям что-то, рассказать им интересную историю, заставить сопереживать — вот тогда ты делаешь это не зря. Есть актеры, которые обладают еще и огромной палитрой приспособлений, чтобы заинтересовать зрителя. Это выдающиеся актеры. Маша Аронова, Сережа Безруков, Женя Миронов, Сергей Маковецкий, Валера Гаркалин — они фантастические актеры! Если бы у меня был свой театр (есть такая мечта), я знаю, кого бы туда позвал.

В актерской работе есть такая роль, от которой вы бы ни за что не отказались?

Я никогда не откажусь играть в хорошей сказке — неважно, детской или взрослой. Это для меня всегда интересно. Привлекают исторические сюжеты. Интересны роли неожиданные, связанные не только с гримом, пластикой, но и с изменением характера.

Какие режиссеры вам близки по духу?

Конечно, Вуди Аллен. Мне повезло: я окончил мастерскую Петра Фоменко. Я фоменковец, и говорю это с гордостью. Хотя, конечно, в свое время надо было идти в «Щуку»...

В 1980 году меня взяли три театральных вуза — Школа-студия МХАТ, Щукинское училище и ГИТИС. Оскар Яковлевич Ремез, который набирал в ГИТИС, сказал: «У нас курс актерско-режиссерский. В конце учебы ты сможешь выбрать, кем стать — актером или режиссером». И это меня сбило! Окончил ГИТИС, но по духу я щукинец.

Эпическое время

Игорь, ваше становление на ТВ проходило в начале 1990-х. Это целая эпоха — АТВ, «Взгляд».

Люди были уникальные — Листьев, Любимов, Политковский, Артем Боровик. Что бы вы сегодня сказали о том телевидении, которое ушло? Нет ли у вас ностальгии?

Мне повезло, что мое становление было связано с эпическим временем. Тогда все выглядело отжившим. Требовалось что-то новое, и оно пришло. Сейчас мы живем, к сожалению, не в лучшие времена — не эпические. Сегодняшнее время какое-то обывательское, царство потребления. А тогда нам было безразлично, сколько зарабатывать. В нас жил азарт! Ностальгия по тому времени, конечно, есть. По поводу людей — чтобы такие личности появились сегодня, нужно новое эпическое время. А чтобы это время пришло, необходима большая беда — так у нас в России заведено. Но не дай Бог! Пусть лучше будет так, как есть, чем большой общественный стресс, на фоне которого, безусловно, возникают новые люди. Хочется, чтобы детям жилось спокойно, была возможность развиваться. **Вы ведь дружили с Владом Листьевым?**

Он был для меня и другом, и вдохновителем. Мы ломали старое и строили новое, были романтиками и не понимали, что рядом с нами люди другого склада, которым нужны только деньги. Они-то и убили Влада и тем самым навсегда зачеркнули для меня светлое романтическое отношение к телевидению. За несколько недель до трагического события я спросил у Влада: «Ты не боишься?» А он ответил: «Угол, брось, мы с тобой — любимцы нации... Кто нас тронет?» Теперь я понимаю смысл того, что произошло: если бы не эти два выстрела — не только телевидение, вся наша жизнь была бы другой.

Черно-белая клетка

На ТВ вы занимались темой юмора. Как думаете, в чем особенность телевизионного юмора? Он меняется со временем? Ведь «Оба-на!» и «Угол-шоу» сегодня невозможно представить на экране.

Сегодня все другое, и юмор другой. На телевидении много пошлости. Но это слагаемые нашего времени — смеяться любой ценой, ржать, развлекаться. Или ужасаться. Нужны крайности.

Канал СТС предложил мне недавно вести большой документальный цикл «История отечественного юмора», чтобы сравнить юмор, который был тогда, с тем, который сейчас. Назвали «Юмор от Петросяна до Мартиросяна». Я-то считаю, что надо расширить рамки и начинать от Райкина или еще раньше — от Хенкина, прочертить линию до современности.

Сегодняшний юмор обывательский, он ниже пояса. Но есть люди способные, например Ваня Ургант. Он искрометен, великий импровизатор. И Гарик Мартиросян талантливый человек (он, кстати, у меня в «Добром вечере» работал спичрайтером, была у него такая пора после КВН). Но большое количество талантливых артистов, которые могли бы стать настоящими кумирами юмора, перешли на обывательские шутки. Шоу-бизнес их полностью поглотил, они переродились. Я же хочу остаться самим собой, хоть это и трудно.

Юмор шагает в ногу со временем. Если сегодня смеемся над разными глупостями — значит, мы такие. А ведь есть в людях, в каждом из нас темы, достойные осмеяния. Смеяться над собой свойственно тому, кто умеет радоваться жизни. Это необходимое качество для

На съемочной площадке фильма «Брестская крепость» с актерами

думающего человека и главная задача юмора. Только презирать себя не надо — себя надо любить. Но все время при этом улыбаться над собой.

В программах «Оба-на!», «Угол-шоу» и других вы использовали черно-белую клетку как фон и логотип, выступали в клетчатых пиджаках и кепках. Что это за символ такой — воспринимаете жизнь как игру в шахматы или мир для вас только черный и белый?

Черно-белая клетка была в моей жизни всегда. У меня где-то валяется школьная тетрадка, на которой вместо решения задач на каждой странице клетка... Ну, и еще рисунки самолетов, хоккеистов, мушкетеров и всякой ерунды.

Над чем вы сами смеетесь в обычной жизни — над людьми, ситуациями?

Я люблю подсматривать за людьми. У меня есть жизненные правила, и первое звучит так: «Нет человека, у которого нечему научиться». Другое правило: «Решил что-то делать — подожди, не торопись». Этому трудно следовать — хочется сразу начать выполнять задуманное. Но надо выдерживать. Эти правила помогают мне и в жизни, и в профессии. Присматриваясь к людям, я начинаю быстрее понимать, чего они от меня хотят.

А над чем вы смеетесь в самом себе? Или так: что вам в себе не нравится?

Я часто говорю себе: «Какой ты идиот, Угол! Надо было довести то-то и то-то до конца и ни за что больше не братья. Достигнуть максимального результата». Так нет — не доделал и хватаюсь за другое! Моя жена говорит: «Куда ты, старый хрен, полез в «Лед и пламень»? Это у тебя отнимет много сил, времени, а тебе столько сейчас надо сделать!» И она абсолютно права. Я себя корю, но ничего с собой поделать не могу.

По гамбургскому счету

Жена болеет за вас?

Она не смотрит шоу принципиально. И я ее понимаю: если увидит собственного мужа распластанным и недостойным, это будет для нее человеческой раной. Когда ей говорят, что получился замечательный номер, не верит. Пожалуй, в последнее время она — самый критично относящийся ко мне человек. И я ее за это тоже очень сильно люблю. Только когда она вышла с первого показа «Брестской крепости», то сказала: «Вот это ты сделал как следует!» И это — моя жена, у которой все по гамбургскому счету! Она телевизионный режиссер с большим опытом, вышла из Литдрамы — делала там телевизионные спектакли. И я ее оттуда утащил в свои юмористические передачи!

Как вы существовали вместе в одной профессии?

Ха! Мы орали друг на друга! Когда начинали спорить в телевизионной студии, наша команда тихонько линяла. Они понимали: это на полчаса как минимум. А потом засылали гонца в студию. Гонца заглядывал и сообщал всем: «По-моему, они там уже целуются. Значит, можно возвращаться». Конфликты продол-

жались и дома, часто доходило до крика. Она считала, что надо делать так, а я считал, что надо вот так. Но в этом и заключается семейная жизнь. Я считаю, огромный плюс, когда люди заняты одним делом — тогда им в семье не скучно. Мы очень интересно живем, всякое бывает, даже ярость возникает. Но любовь берет свое. Она — моя первая и единственная любовь в жизни. Как выяснилось.

Чем же ее так покорила фильм «Брестская крепость», российская премьера которого вот-вот должна состояться? Вообще расскажите об этом проекте.

Это главный проект моей жизни! И это было моей мечтой. Скажу честно: я не знаю, что после меня останется, но «Брестская крепость» будет нужна людям. Я автор идеи и генеральный продюсер фильма. Однажды в детстве отец дал мне почитать книгу Сергея Смирнова, и я был в потрясении. Жуткая ситуация: фронт ушел, в подвалах умирают старики, женщины и дети, которых надо отдать в плен, иначе они погибнут, а самим защищать — что? Никому не нужную крепость? Мы два года писали сценарий и сделали картину о выборе. Я и не думал, что найдется столько людей, которые помогут мне осуществить мечту. Но еще больше нашлось тех, кто мешал это сделать. Писали, что какому-то шоумену доверили такую великую тему, пытались вмешаться в сценарий, возмущались — как это у Угольников советский солдат сдается в плен! Мне приходилось доказывать, что это так, подвиг и решение тех людей могут быть интересны. Войну нельзя воспринимать ходульно, накладывать трафареты. И надо было видеть, как после просмотра фильма зрители выходили с заплаканными глазами и благодарили. А прокатчиков картина просто потрясла. Они писали, что именно это кино можно выдвигать от России на «Оскар». У нас много примеров, когда мы можем гордиться поступками наших предков.

Многое в нас — это память и уроки прошлого, тут вы правы. Но прежде всего — родительские гены. В начале проекта вы показали на льду танец, посвященный родителям. Расскажите о них.

Когда я родился, они были студентами МАИ. Полюбили друг друга еще в юности и 18 июня этого года отметили золотую свадьбу. Им кричали «горько!», а я испытывал какое-то невозможное счастье! Папа с мамой пятьдесят лет вместе, вот они целуются. Это дорогого стоит! Еще у меня есть младший брат, он астрофизик. Я в школе плохо учился — ненавидел технические предметы, физику от геометрии не отличал и еле-еле получал тройки. А он считал в уме уже в третьем классе — настоящий ученый! Сейчас отец гордится нами.

Игорь, а себя вы каким видите в старости?

Скажу сразу: я себя не представляю старым вообще! И дело не в седых волосах, а во внутреннем ощущении самого себя. Я и сейчас себя воспринимаю лет на двадцать пять, хотя мне уже в два раза больше.

Светлана Лепешкова